

Методологические аспекты экологической криминологии

Ю. А. Случевская

Для цитирования: Случевская Ю. А. Методологические аспекты экологической криминологии // Правоведение. 2018. Т. 62, № 4. С. 735–750. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.409>

В статье рассматриваются предпосылки выделения самостоятельного направления криминологических исследований — экологической криминологии. Изучено влияние основных философских доктрин на формирование современного законодательства в сфере взаимодействия человека и природы. Отмечается, что процесс экологизации социальной сферы, которая включает и правовые институты, затронул криминологические исследования в экологической сфере, их появление стало следствием этого процесса. Экологическая криминология непосредственно связана с общей криминологической теорией, представляет собой закономерный результат ее развития. В то же время методологически она тесно связана и с наукой экологического права. В статье освещаются дискуссионные вопросы, касающиеся наименования рассматриваемого направления криминологии. Отмечаются лингвистические сложности, относящиеся к зарубежному происхождению некоторых терминов. Уже более четверти века изучение комплекса явлений, связанных с экологической преступностью, в мировой криминологии выделяется как самостоятельное направление криминологических исследований. В то же время преждевременно говорить о том, что это направление окончательно сформировалась. Не решены важнейшие вопросы методологии: об объекте, предмете, методе, используемой терминологии. Раскрытию этих важнейших проблем посвящена данная статья. В работе обосновывается использование в отечественной науке наименования «экологическая криминология». На основе систематизации основных подходов к определению понятия «преступность», сформировавшихся в рамках криминологических исследований (правового, социального и естественно-правового), автор делает выводы о содержании предмета и объекта экологической криминологии. В рамках рассмотрения правового подхода исследуются особенности конструкции уголовно-правовой нормы в части определения деяния преступным, содержание понятия «общественная опасность», имеющего решающее значение для решения вопроса о криминализации деяния. На основе полученных выводов обосновывается правомерность включения экологического вреда в объект и предмет исследований, осуществляемых в рамках экологической криминологии. Анализируя положения социального подхода, автор обосновывает необходимость включения в объект и предмет экологической криминологии проблем, связанных с реальной или потенциальной трансформацией экологически значимого поведения в преступное. Рассматриваются особенности методологии экологической криминологии, которые проявляются в том, что она использует инструментарий, характерный не только для криминологии и юридических наук, но и для естественно-научных дисциплин.

Ключевые слова: экология, экологическая криминология, криминология, экологическое право, преступность, окружающая среда.

Случевская Юлия Александровна — канд. юрид. наук, доц., Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Российская Федерация, 236006, Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30; ula-sl@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

1. Введение

Проблема обновления криминологических знаний не только не теряет своей актуальности, но и становится одной из центральных в современных условиях, что связано с динамично развивающимися социальными процессами, усложнением структуры общественных связей. До XX в. главенствующей идеологией, определившей мировоззрение и оказавшей влияние на формирование научного знания, был антропоцентризм. Его появление связывают с развитием христианства в западном мире. Эта доктрина претерпела определенные изменения: от восприятия человека как вершины мироздания, как субъекта, который вправе неограниченно использовать природные ресурсы, до осознания необходимости сохранения окружающей среды как главного условия существования человека. Именно последний вектор развития антропоцентризма оказал воздействие на формирование современного законодательства в сфере взаимодействия человека и природы.

В настоящее время происходит смена парадигмы. В качестве альтернативы теории антропоцентризма появились концепции патоцентризма (в рамках которой как самостоятельная ценность рассматривается не только человек, но и животное), биоцентризма (признание внутренней ценности за любым живым существом), экоцентризма (приписывание внутренней ценности экосистемам в целом)¹. На наш взгляд, в современных условиях ни одну из указанных доктрин нельзя рассматривать как общепризнанную и доминирующую, в то же время они оказывают существенное влияние на формирование международных документов и на национальное законодательство в сфере защиты окружающей среды. В их положениях ярко проявляется процесс изменения отношения человека к природе. Если раньше приоритетными признавались вопросы, связанные с рациональным использованием природы и ее компонентов (например, первый международный правовой документ в сфере охраны окружающей среды — Парижская конвенция 1902 г. — посвящен охране птиц, полезных для сельского хозяйства), то в настоящее время при подготовке правовых актов все чаще применяется экосистемный подход (так, в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. одной из целей заявлена защита экосистем, под которыми понимается динамичный комплекс сообществ, растений, животных и микроорганизмов, а также неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое).

Право и юридическое мышление эволюционируют под влиянием таких факторов, как отставание законодательной базы, неупорядоченность правовых норм и смена корпуса этических представлений². В настоящее время в качестве последнего обстоятельства выступает, в частности, развитие экологической этики и ценностных ориентаций, направленных на защиту окружающей среды. Вследствие этого процесса сформировался новый круг общественных отношений и появились предпосылки для становления экологического права как самостоятельной отрасли. В рамках философии права возникло новое направление, получившее название «экософия права», суть которого состоит в определении возможностей человека как творца и субъекта права, носителя правосознания влиять на процесс достижения социоприродной гармонии посредством генерирования экоправовых идей, моделирования содержания норм соответствующего им парадигмального характера и конструирования на таком типе законодательного фундамента своей

¹ См. об этом: Сычев А. А. Этика экологической ответственности. М., 2014. С. 28–43.

² См. об этом: Розин В. М. Философия права: Генезис права. Особенности юридического мышления. Преступная личность. М., 2016. С. 102.

жизни³. Новая экологическая этика и связанные с ней ценностные ориентации становятся основой формирования современного права. В настоящее время в определенных отраслях эти тенденции более отчетливы, чем в других. В то же время этот тренд является общим.

По мнению М. М. Бринчука, главная задача права видится в обеспечении смены парадигмы — отказе, уходе от антропоцентрического подхода к построению общей картины мира, к эгоцентрическому, под этим процессом должна подразумеваться вся правовая система, включая международное и национальное право, а не только экологическое, специализированное, касающееся регулирования экологических отношений⁴.

Эволюция идей человека о праве, оценка его состояния и перспектив развития повлияли на выделение экологических прав в общей системе прав человека, на особенности формирования правовых норм, связанных с защитой окружающей среды. Этот процесс получил название «экологизация социальной сферы» и включает в себя правовые институты. Он также затронул криминологические исследования в экологической сфере, вернее, их появление стало следствием обозначенного процесса.

2. Дискуссии о наименовании

Экологическая криминология непосредственно связана с общей криминологической теорией, представляет собой закономерный результат ее развития. В то же время методологически она тесно связана и с наукой экологического права, которая прошла сложный путь обретения своего наименования. Специалистам знаком спор двух известных ученых — О. С. Колбасова и М. М. Бринчука, разгоревшийся на страницах журнала «Государство и право». М. М. Бринчук подверг критике обоснованность использования названия «экологическое право» и предложил другое наименование отрасли — «право окружающей среды»⁵. О. С. Колбасов выступил с концептуальными замечаниями, справедливо отметив, что «развитие права всегда сопряжено с обсуждением и формированием терминологии»⁶, «вопрос о наименовании отрасли права — это вопрос не только правовой, но и исторический, лингвистический и одновременно вопрос общей культуры общества»⁷.

Схожие проблемы также затронули рассматриваемое направление криминологии. Среди исследователей отсутствует единство в вопросе о его названии. Процесс поиска согласия усложняют лингвистические особенности, связанные с зарубежным происхождением некоторых терминов и «трудностями перевода».

В 1990 г. американский криминолог М. Дж. Линч ввел в научный оборот термин *green criminology* (зеленая криминология), который в странах англо-американской криминологической системы стал основой для проведения специальных исследований, посвященных правонарушениям в экологической сфере⁸. Несмотря на

³ См. об этом: Шефель С. В. Экософская концептуализация процесса формирования личности как субъекта гармонизации правоотношений в экосфере // Lex Russica. 2017. № 6 (127). С. 55.

⁴ Бринчук М. М. Вселенная — универсальная естественная экосистема: эколого-правовой контекст // Труды института государства и права российской академии наук. Актуальные проблемы государства и права. 2010. № 3. С. 95.

⁵ Бринчук М. М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. 1998. № 9. С. 20–28.

⁶ Колбасов О. С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10. С. 27.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Frank N. K., Lynch M. J. Corporate Crime, Corporate Violence. Albany: Harrow and Heston, 1992.

неопределенность и методологическую слабость предложенного Линчем термина, он выступает своего рода зонтичной категорией для проведения такого рода исследований в других странах⁹. О повороте криминологии к проблемам экологической преступности в условиях загрязнения окружающей среды и потери биологического разнообразия в 1999 г. заявил президент Американского криминологического общества М. Зан¹⁰. Можно констатировать, что уже более четверти века изучение комплекса явлений, связанных с экологической преступностью, в мировой криминологии рассматривается как самостоятельное направление криминологических исследований. В то же время преждевременно говорить о том, что это направление окончательно сформировалась, скорее оно находится в стадии становления. Нерешенными остаются важнейшие вопросы методологии: об объекте и предмете, методе, используемой терминологии и о самом наименовании.

Если в странах англо-американской криминологической системы термин *green criminology* (зеленая криминология) широко распространен и, как правило, признается специалистами, то криминологи континентальной Европы практически не используют его и рассматривают в рамках изучения англо-американского опыта. Между тем потребность в формировании единого научного языка, предполагающего использование универсальной терминологии и единого понятийного аппарата, все более очевидна.

Словосочетание «зеленая криминология» в контексте отечественного языкового пространства может показаться неудачным в первую очередь с лингвистической точки зрения. В то же время такой выбор во многом определили политические процессы. В 1970-е гг. сформировалась новая политическая идеология, представляющая собой систему взглядов об экологически устойчивом обществе, которая получила название «зеленая политика». В 1990-е гг. движение зеленых становится значимым фактором внутриполитической жизни ведущих мировых стран. Поэтому появление названия «зеленая криминология» стало закономерным следствием обозначенных процессов. Политизация рассматриваемого криминологического направления оценивается исследователями, занимающимися указанной проблемой, неоднозначно: одни специалисты рассматривают ее как положительный фактор, привлекающий дополнительное внимание к исследованиям, другие опасаются, что излишняя политизация приведет к тому, что их научный нейтралитет и независимость (а значит, объективность исследований и результатов) будут поставлены под сомнение. Определенную настороженность выражали и некоторые представители англо-американской криминологической школы¹¹.

В то же время, несмотря на спорность используемого названия, термин *green criminology* вошел в специальную лексику представителей криминологической науки. Проводятся многочисленные конференции и семинары, организуются специальные секции в рамках работы научных мероприятий, посвященных проблемам криминологии и уголовного права¹². В научный оборот вошел и термин *green crime*¹³ (зеленая преступность). Попытки найти более подходящее наименование для указанного направления исследований терпели неудачу, ибо термины,

⁹ См., напр.: Schmidt H. Ein grüner Zweig der Kriminologie? // Kriminologisches Journal. 2013. No. 4. S. 262.

¹⁰ Zahn M. Presidential address: Thoughts on the future of criminology // Criminology. 1999. Vol. 37, no. 1. P. 1–16.

¹¹ См., напр.: Halsey M. Against “green” criminology // British Journal of Criminology. 2004. Vol. 44, no. 6. P. 833–853.

¹² См. информацию на сайте *Green Criminology*. URL: www.greencriminology.com (дата обращения: 10.02.2019).

¹³ См., напр.: Schmidt H. Op. cit. S. 265.

предлагаемые одними учеными, оставались в границах авторских концепций, неприемлемых для других.

Так, австралийский исследователь Р. Уайт предложил использовать, с его точки зрения, политически нейтральные термины *eco-global criminology* (экоглобалистская криминология)¹⁴ и *environmental criminology* (криминология окружающей среды)¹⁵.

Первый из них — экоглобалистская криминология — рассматривается им как комплексная наука, призванная решать взаимосвязанные экологические, транснациональные и социально-правовые проблемы, фокусируясь на правонарушениях в отношении экосистем, людей и животных. Р. Уайт полагает, что экоглобалистская криминология обращается к криминологическому подходу, сформированному экологическим мышлением и критическим анализом, которые по своим масштабам и перспективам приобретают глобальный характер. Между тем в сферу криминологических исследований экологической преступности и связанных с ней процессов должна, по нашему мнению, входить преступность не только на глобальном и транснациональном, но и на национальном уровне. Поэтому термин *eco-global criminology* не в полной мере отражает предмет, масштабы и границы исследований. К тому же использование в наименовании слова *global* делает этот термин также политически ангажированным, учитывая ту роль, которую играют в мировой политике глобалистские и антиглобалистские движения.

В другой работе Р. Уайт именовал рассматриваемое направление исследований *environmental criminology* (криминология окружающей среды). Этот термин можно было бы считать приемлемым, особенно для отечественной криминологии, в том числе потому, что в качестве одного из основных объектов правовой охраны в российском законодательстве, в частности в уголовном, рассматривается окружающая среда. Напомним, что в Российской Федерации действует Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹⁶, в ст. 1 которого окружающая среда определяется как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов. В соответствии со ст. 2 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ) одной из его задач выступает охрана окружающей среды.

В то же время в англо-американском языковом пространстве слово *environmental* рассматривается не только во взаимосвязи с природной средой. Предметом такого направления, как *environmental criminology* (криминология окружающей среды), является не экологическая преступность. Под этим названием в современной мировой криминологии существует отдельная отрасль, продолжавшая традиции так называемой Чикагской школы, которая изучает пространственные аспекты преступности. Ф. Хербиг и С. Жуберт отмечают коннотацию, проявляющуюся в постоянном использовании этого термина в исходном контексте исследований, проводимых Чикагской школой, и приобретении своего рода «права собственности» на него¹⁷. Таким образом, предложенное Р. Уайтом понятие *environmental criminology* (криминология окружающей среды) в силу двусмысленности и возможной терминологической путаницы неприемлемо для экологических исследований.

¹⁴ White R. Transnational environmental crime: Towards an eco-global criminology. London, 2011. P. 3.

¹⁵ White R. Crimes against nature: Environmental criminology and ecological justice. Cullompton, 2008. P. 7.

¹⁶ Здесь и далее ссылки на российские нормативно-правовые акты даются по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2019).

¹⁷ Herbig F. J. W., Joubert S. J. Criminological Semantics: Conservation Criminology — Vision or Vagary? // Acta Criminologica. 2006. Vol. 19, no. 3. P. 94.

Вместо этого ряд западных криминологов (К. Гиббс, М. Гор, Э. Мак-Гаррелл, Л. Ривес) предложили другое наименование — *conservation criminology*, которое, с учетом предмета исследований (преступления, посягающие на природные ресурсы и их защита), точнее переводить словосочетанием «природоохранная криминология». Названные ученые рассматривают ее как междисциплинарную, основанную на эмпирических данных практику, обращенную на устранение экологических преступлений и рисков. Такое направление исследований интегрирует базовые положения криминологии, уголовного правосудия, а также учение о сохранении природных ресурсов и управлении ими; предметом исследования *conservation criminology* считается преступность, посягающая на природные ресурсы¹⁸. Другие ученые (М. Уэллсмит, Р. Кларк, А. Лемье) трактуют указанное направление как пространственный или ситуативный подход к предупреждению преступности и решения природоохранных задач; однако при таком подходе смещается основной акцент и сужается предмет исследований¹⁹.

На основе рассмотренных зарубежных подходов к пониманию направления, изучающего экологическую преступность и сопутствующие ей явления, можно сделать вывод, что на современном этапе криминологических исследований экологической преступности наиболее приемлемо наименование *green criminology*. Однако в отечественной криминологии предпочтительнее все же использовать его аналог — «экологическая криминология», поскольку это понятие наиболее полно и адекватно отражает сущность предмета таких исследований, тем более что нет каких-либо исторических и лингвистических особенностей формирования этого термина, ведущих к его дополнительной интерпретации.

В отечественном криминологическом дискурсе термин «экологическая криминология» не получил широкого распространения. Отметим, что О. Л. Дубовик в одной из работ говорит о предпосылках развития нового научного направления, в отношении которого она использует название «экологическая криминология». В числе таких предпосылок: фиксируемые изменения состояния окружающей среды, использование природных ресурсов и воздействие на природу, изменения состояния и структуры преступности, появление ранее не фиксировавшихся видов общественно опасного экологически значимого поведения (объективные предпосылки), а также достижение определенного уровня развития научного знания в сферах экологического права и криминологии (субъективные предпосылки)²⁰. В то же время О. Л. Дубовик не рассматривает вопросы, связанные с методологическими основами данного направления.

В рамках семантической концепции преступности, разработанной Д. А. Шестаковым, также предпринимались попытки обосновать самостоятельную отрасль криминологии, касающуюся сферы экологии. Однако их едва ли можно признать успешными. В одном из исследований «экологическая криминология»²¹ рассматривается как «зарождающаяся отрасль криминологии, от которой ожида-

¹⁸ Gibbs C., Gore M., McGarrell E., Rivers L. Introducing conservation criminology: Towards interdisciplinary scholarship on environmental crimes and risks // *British Journal of Criminology*. 2010. Vol. 50, no. 1. P. 124–144.

¹⁹ Wellsmith M. The applicability of crime prevention to problems of environmental harm: A consideration of illicit trade in endangered species // *Global environmental harm: Criminological perspectives* / ed. by R. White. London, 2010. P. 132–149; Lemieux A., Clarke R. The international ban on ivory sales and its effects on elephant poaching in Africa // *British Journal of Criminology*. 2009. Vol. 49, no. 4. P. 451–471.

²⁰ Дубовик О. Л. Экологическая криминология: тенденции развития, методология, новые направления (на примере исследования незаконной торговли окружающей средой) // *Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2007. С. 222.*

²¹ Также встречается синонимичное название «экокриминология».

ется комплексное осмысление преступности той социальной подсистемы, в которой складываются отношения человека с окружающей средой»²². Тенденция к росту «отраслевых» криминологий в отечественной науке оценивается неоднозначно. Суть критических суждений в первую очередь связана с недостатками методологической основы самой семантической концепции, которые проявляются в заметном разрыве между методологическими основами криминологии и ее прикладной частью, в опасности все большей дезинтеграции научного знания о преступности²³. К тому же реализованное в рамках данной концепции специальное исследование, посвященное экологической криминологии²⁴, не смогло раскрыть специфику предмета и метода этого научного направления. Осталась нерешенной главная задача исследований, которая, на наш взгляд, должна быть реализована в рамках семантической концепции: не раскрыт феномен экологической преступности как свойства общества порождать данный вид преступлений. Представляется неверным сводить какое-либо направление криминологии к причинам и условиям совершения преступления в какой-либо сфере и искать все преступные проявления в социальных институтах, отрываясь от общей канвы уголовного права и уголовного закона.

Несмотря на то что термин «экологическая криминология» используется в отечественных криминологических исследованиях, методологические основы соответствующего направления криминологии не разработаны.

3. Объект, предмет и метод экологической криминологии

3.1. Объект и предмет экологической криминологии. Каждую самостоятельную область научного знания определяют объект и предмет. Это, безусловно, относится и к экологической криминологии. Как правило, в основе выделения самостоятельного криминологического направления лежит соответствующий вид преступности, например экологическая (положения семантической концепции, в соответствии с которыми преступность структурируется по социальным институтам, нами не учитываются по указанным выше причинам). В то же время вопросы о том, что представляет собой преступность и что изучает криминология, остаются не до конца разработанными.

О необходимости пересмотра объекта и предмета криминологии неоднократно в своих работах говорили ведущие ученые-юристы. А. Э. Жалинский видел в основе этого процесса потребность охвата проблем, ставших актуальными в современную эпоху социальных перемен²⁵. Вопрос об объекте и предмете науки криминологии, с одной стороны, фундаментален для этой области знаний, в то же время на нем не могут не отразиться динамичные изменения, связанные с усложнением социальных процессов, в том числе в сфере экологии.

В основе объекта и предмета криминологии находится понятие «преступность», к пониманию которого не выработано единого подхода. Начиная с зарождения криминологии как науки (конец XIX в.), вопрос о ее предмете остается дискуссионным. Ни одна из сформировавшихся к этому времени научных школ не смогла доказать свою самостоятельность, а ее положения не смогли стать един-

²² Шестаков Д. А. Предисловие // Тангиев Б. Б. Экокриминология. Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. СПб., 2005. URL: <http://www.iprbookshop.ru/18058.html> (дата обращения: 10.09.2018).

²³ См. об этом: Квашис В. Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967–2014 гг.). СПб.: Юридический центр, 2015. С. 6–7.

²⁴ Тангиев Б. Б. Указ. соч.

²⁵ Жалинский А. Э. Обновление криминологии // Право и политика. 2012. № 5. С. 829.

ственной основой для развития дальнейших криминологических исследований. Более того, на восьмой год своего существования Международный союз криминалистов, образованный в 1889 г., заявил, что юридическому моменту в науке уголовного права должно быть отведено такое же место, как социологическим и антропологическим исследованиям²⁶. Все эти теории показывают сложность и многомерность такого явления, как преступность.

Систематизация основных подходов к определению понятия «преступность», сформировавшихся в рамках криминологических исследований, позволяет сделать некоторые выводы в отношении предмета и объекта экологической криминологии.

3.1.1. В рамках **правового подхода** преступность рассматривается как статистическая совокупность, слагаемая из преступлений, совершенных в стране или регионе²⁷. Л. И. Спиридонов одним из первых в отечественной криминологии советского периода поставил под сомнение обоснованность такого понимания преступности²⁸. При рассмотрении экологической преступности несостоятельность такого подхода проявляется наиболее ярко. Сущностная природа экологических деликтов не позволяет ставить их в зависимость только от факта признания законодателем нарушений в рассматриваемой сфере преступлениями или менее общественно опасными деяниями. На отсутствие заинтересованности государства криминализировать деяния, посягающие на объекты природной среды, в 1970-е гг. обращали внимание представители радикального направления криминологии. Так, по мнению Р. Куинни, «преступление господ, противозаконные деяния власть имущих не квалифицируются как преступления, потому что у капиталистов достаточно власти, чтобы не допустить собственной криминализации. Существует много таких преступлений в сфере экономики, управления и контроля, а также в сфере социального обеспечения, которые, как правило, не упоминаются в уголовных кодексах в качестве состава преступления (загрязнение воздуха и воды...)»²⁹. Именно с 1970-х гг. начинается процесс экологизации законодательства, в том числе уголовного, в основе которого лежат изменения социальных отношений и пересмотр ценностной структуры общества.

Правовой подход к определению понятия преступности упрощает и ограничивает это сложное явление и не позволяет в полной мере оценивать сопутствующие процессы и эффективно влиять на них. В то же время многие исследователи рассматривают именно правовое понятие преступности как своего рода основу (каркас) для проведения криминологических исследований. Как отмечает А. Э. Жалинский, правовое понятие преступности «должно лежать в основе определения объекта и предмета криминологического познания, формируя, в частности, подход к анализу социальной природы и содержания преступности»³⁰. Соглашаясь с этим тезисом, отметим, что указанное понятие должно лежать в основе определения объекта и предмета криминологии, но не ограничивать их.

Рассматривать преступность только в рамках правового подхода означает отрицать развитие криминологии как науки. М. Н. Гернет, рассуждая о появлении новых научных течений во второй половине XIX в., отмечал: «Расширение содер-

²⁶ Приводится по: Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества // Гернет М. Н. Избранные произведения / сост. М. М. Бабаев; отв. ред. А. Б. Сахаров. М., 1974. С. 234.

²⁷ См. об этом: Иншаков С. М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии. М., 2012. С. 7.

²⁸ См. его работу: Спиридонов Л. И. Социология преступности. М., 1978.

²⁹ Quinney R. Class, State and Crime. New York, 1977 (цит. по: Иншаков С. М. Указ. соч. С. 20).

³⁰ Жалинский А. Э. Криминологическая характеристика преступности // Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 1. Криминология. М., 2014. С. 136.

жания науки уголовного права внесением новых объектов исследования там, где криминалистическая мысль в продолжении ряда веков знала только системы юридических формул преступления и наказания, совершилось хотя и не вдруг, но довольно быстро, и глубоко изменился самый облик науки: между старым и новым в дисциплине уголовного права или в криминологии, как стали называть эту дисциплину, образовалась в семидесятые годы прошлого века глубокая пропасть»³¹.

Представляется, что ограничение понятия «преступность» рамками уголовного закона ведет к неоправданному сужению предмета криминологии. Это утверждение особенно несправедливо в отношении понятия «экологическая преступность», что объясняется главным образом повышенным уровнем рисковенности современного общества. В условиях такого узкого подхода становится закономерным и появление нового научного направления — административной деликтологии³², которая перенимает основные положения криминологии через призму понятий «административное правонарушение» и «административная деликтность». На наш взгляд, такой подход ошибочен. В этом случае происходит размывание предмета криминологии, необоснованное заимствование ее понятийного аппарата и, по сути, дублирование, создание своеобразных искусственно созданных границ научного направления. Это приведет к значительному затруднению развития криминологических знаний. Несостоятельность попыток провести четкие границы предмета научных исследований демонстрирует, например, проблема введения в российское уголовное право институтов уголовного проступка, административной преюдиции. В настоящее время мы наблюдаем обратный процесс. Возникают межотраслевые правовые институты, размывается граница между различными отраслями (в данном случае уголовного и административного права), и это реалии сегодняшнего дня.

Необходимо обратить внимание и на особенности конструкции уголовно-правовой нормы в части определения деяния как преступного. В отечественной доктрине уголовного права общественная опасность и противоправность рассматриваются в качестве обязательных признаков преступления (ст. 14 УК РФ). Как известно, именно по характеру общественной опасности проходит граница между административным правонарушением и преступлением. В то же время в науке уголовного права не до конца решен вопрос о том, что понимать под общественной опасностью и как ее определять.

Анализируя многовековую историю уголовного права, Н. Ф. Кузнецова приходит к мысли о том, что сформировались два юридико-технических приема нормативной фиксации общественной опасности: 1) перечисление объектов посягательств (из толкования положений УК РФ можно сделать вывод, что в ст. 2 действующего УК РФ дан подобный перечень, в который включена и окружающая среда; в то же время указанная статья посвящена задачам УК РФ); 2) указание на причинение действием (бездействием) вреда или создания угрозы его причинения охраняемым уголовным законом интересам³³.

Отсутствие определения общественной опасности в российском законодательстве затрудняет понимание этой важной понятийной категории. Анализ зарубежного опыта показывает, что в уголовных и уголовно-процессуальных законах североамериканских штатов и европейских государств фактически используется второй юридико-технический прием нормативной фиксации общественной опас-

³¹ Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. С. 208.

³² См. об этом: Дерюга А. Н. Объект и предмет административной деликтологии // Государство и право. 2011. № 1. С. 97–100.

³³ Кузнецова Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. № 6. С. 71.

ности. Несмотря на то что в соответствующих нормах о незначительных преступлениях не используются термины «общественная опасность» или «опасность», фактически исходят из ее понимания как причинения вреда или угрозы его причинения охраняемым уголовным законом интересам. Например, в уголовном законе штата Пенсильвания в § 312 «Малозначительные нарушения» к ним отнесены не причинившие или не угрожавшие причинением вреда или зла, на предупреждение которого направлен закон³⁴. Н. Ф. Кузнецова также предлагает рассматривать общественную опасность как виновное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам личности, общества, государства или создание угрозы его причинения. При этом именно общественная опасность является основанием криминализации правонарушений, объявления их уголовным законом преступлениями³⁵.

Учитывая вышесказанное, полагаем, что *правомерно ставить вопрос о включении экологического вреда в объект и предмет исследований, осуществляемых в рамках экологической криминологии*. В зарубежных исследованиях экологическая криминология рассматривается как научно, эмпирически и политически ориентированное направление, в рамках которого исследуются вопросы первичного и вторичного вреда, причиняемого природной среде, разнообразным видам и планете в целом, вследствие совершения преступлений и правонарушений³⁶. Некоторые специалисты предлагают рассматривать экологический вред как результат экологических правонарушений, выступающих самостоятельной категорией наряду с преступлением и административным правонарушением. В настоящее время в отечественной правовой доктрине отсутствуют основания для такого рода деления. «Экологическое правонарушение» представляется слишком широким понятием, и без глубокой теоретической проработки положений института экологической ответственности оно едва ли применимо.

3.1.2. Понимание преступности как социального феномена и оценка ее в рамках **социального подхода** встречается в работах ведущих отечественных криминологов. В то же время в предлагаемых авторами определениях понятия преступности как социального феномена включаются его характеристики и как правового. Так, по мнению И. М. Мацкевича, «преступность является предметом социологического интереса, поскольку она определена внутри социальной сферы, нарушает социальные нормы и вызывает социальный отклик», при этом «преступность — вид общественно опасного поведения, порицаемого с позиций уголовного закона»³⁷.

В большинстве современных отечественных криминологических исследований, правовой подход, по сути, соединяется с социологическим. Как отмечал Л. И. Спиридонов, «социологическое понятие преступления предшествует его юридическому определению»³⁸. Такая формула представляется в значительной степени идеализированной. В то же время необходимо учитывать, что исследователи, изучающие преступность, основываются главным образом на уголовном законодательстве определенного государства (или, в зависимости от целей исследования, группы государств), которое является, на первый взгляд, субъективным фактором, продуктом субъективной оценки. Формирование законодательства

³⁴ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч.

³⁵ Там же. С. 75.

³⁶ См., напр.: South N. A green field for criminology? A proposal for a perspective // Theoretical Criminology. 1998. Vol. 2, no. 2. P.211–233.

³⁷ Мацкевич И. М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации // Lex Russica. 2006. № 3 (65). С. 531.

³⁸ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 24.

также выступает одним из проявлений социальных процессов. Этот факт очевиден в случае проведения социально обоснованной криминализации или декриминализации определенных деяний, когда принятая уголовная норма становится своего рода откликом общества. Даже в том случае, когда криминализация представляется искусственной, она также выступает следствием социальных процессов, происходящих в том или ином обществе. Таким образом, криминология изучает преступность как объективно существующий социальный феномен, а не проявление субъективной оценки лиц (или политических институтов), устанавливающих уголовно-правовые запреты. С одной стороны, признание этого факта не должно ограничивать объект и предмет криминологии только совокупностью противоправных деяний, объявленных уголовным законом преступлением, с другой — чрезмерное расширение объекта и предмета может существенно затруднить формирование методологической базы рассматриваемого научного направления.

Полагаем, что в объект и предмет исследования экологической криминологии должны входить проблемы, связанные с *реальной или потенциальной трансформацией экологически значимого поведения в преступное*, так как в них проявляются объективно происходящие социальные процессы в сфере воздействия человека (общества) на природу.

3.1.3. С точки зрения **естественно-правового (транссоциального) подхода** к понятию преступности в него включаются преступления, которые признаются таковыми во всех обществах и выделяются во временном и территориальном измерениях³⁹. По мнению А. Э. Жалинского, этот подход «можно считать основывающимся, как минимум, на обычном праве», т. е. делении преступлений на *delicta mala per se* (преступления по существу) и *delicta mere prohibitu* (преступления в силу закона)⁴⁰.

В иерархии уголовно-правовых запретов выделяются: 1) уголовно-правовые запреты первого уровня (базовые), неизменные в течение длительного исторического периода, основанные на господствующих в обществе фундаментальных моральных ценностях, нравственных принципах и нормах; их нарушение ставит под угрозу существование социума как такового; 2) уголовно-правовые запреты второго уровня (надстроечные), чье возникновение обусловлено социально-экономическим развитием; при их нарушении затрагивается социально-экономическая и политическая стабильность в обществе; 3) уголовно-правовые запреты третьего уровня (временные), формируемые под влиянием изменяющихся политических процессов, их установление может входить в конфликт с интересами социума.

Традиционно к преступлениям по существу (*delicta mala per se*) относят посяательства на жизнь, телесную неприкосновенность и имущество. Представляется, что в связи с значительным повышением уровня рискогенности современного общества экологические преступления также необходимо относить к этой категории, так как они ставят под угрозу существование социума как такового.

Криминология, как любая современная наука, находится в постоянном развитии. Те исследования, которые были актуальны в период ее зарождения, не являются таковыми в настоящее время, что связано со снижением влияния ряда социальных факторов на преступность. Возникновение новых объектов изучения, расширение границ предмета — закономерный процесс развития криминологии как науки. Поэтому представляется обоснованным рассмотрение вопросов, связанных с формированием самостоятельного направления в рамках современных криминологических исследований — экологической криминологии.

³⁹ См. об этом: Жалинский А. Э. Криминологическая характеристика преступности. С. 137.

⁴⁰ Там же.

Проведенный выше анализ основных подходов к понятию «преступность» позволяет сформулировать следующие выводы относительно объекта и предмета экологической криминологии.

Объектом экологической криминологии выступают социальные явления, связанные с деструктивным воздействием общества на природу.

Предмет экологической криминологии составляют:

- экологически значимое поведение, которое трансформируется в преступное или обладает потенциалом такой трансформации, а также подверженность экологически значимого поведения воздействию в целях недопущения его перехода в преступное;
- экологическая преступность как совокупность преступлений, посягающих на отношения в экологической сфере;
- значимый экологический вред и возможности его минимизации;
- явления и процессы, в том числе детерминационные, связанные с экологически значимым поведением, трансформировавшимся в преступное или обладающим потенциалом такой трансформации;
- особенности субъекта экологически значимого поведения, трансформировавшегося в преступное или обладающего потенциалом такой трансформации;
- особенности жертв экологических преступлений.

3.2. Метод экологической криминологии. Для современной криминологии характерен поиск новых методов исследования в связи с усложнением содержательной стороны ее объекта и с динамично развивающимися социальными процессами. В специальных работах говорится о допустимости и целесообразности методологического плюрализма⁴¹. Для экологической криминологии как любого научного направления характерно использование всеобщего метода, а также методов общих и специальных.

С помощью метода *материалистической диалектики* исследуются, в частности, природа и общество в состоянии непрерывного движения и изменения, обновления и развития, проходящие путь от незначительных и скрытых количественных изменений к коренным качественным⁴². Именно это проявление всеобщего метода научного познания важно для понимания основных закономерностей, исследуемых в рамках экологической криминологии. Его значение в вопросе познания социальных феноменов и процессов становится одним из определяющих.

Единство взаимопревращения *материалистической диалектики, гносеологии и юридической догматики* рассматривают как основу методологии науки уголовного права на сегодняшнем этапе его развития⁴³. С учетом тесной связи наук уголовного права и криминологии (напомним, что некоторые ведущие криминологи рассматривают их как единую науку), вопрос о значении догматического метода в криминологических исследованиях представляется обоснованным. Анализ и толкование юридических текстов с использованием специальных дефиниций и правовых конструкций — неотъемлемая часть криминологических исследований. В то же время для достижения задач таких исследований необходимо давать оценку положениям юридических текстов, связывая их с различными со-

⁴¹ См., напр.: Номоконов В. А., Судакова Т. М. Криминология будущего — позитивная криминология? // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 31.

⁴² См. об этом: Смыкалин А. С. Основные методологические понятия курса «история отечественного государства и права» // Государство и право. 2017. № 6. С. 101.

⁴³ См., напр.: Хилюта В. В. Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал российского права. 2017. № 5 (245). С. 95.

циальными явлениями и процессами, что отличает этот подход от чисто догматического.

Позитивный метод, который определяется как метод опыта и наблюдения, кардинальным образом изменил науку уголовного права в 1870-е гг. и во многом предопределил возникновение науки криминологии. М. Н. Гернет отмечает: «Но что произошло в области науки уголовного права, было не эволюцией... а неожиданно разразившейся революцией... Сила, которая произвела всю эту «великую революцию» в науке уголовного права, известна под скромным именем «позитивного метода»⁴⁴. Непосредственное восприятие негативных изменений окружающей среды как результата воздействия человека на природу предопределило появление экологической криминологии в качестве самостоятельного направления.

Специальные методы экологической криминологии преимущественно определяют содержание ее объекта. Необходимо учитывать междисциплинарный характер исследуемого направления, рассматривать его сущностные особенности с точки зрения взаимообусловленного влияния таких наук, как криминология, уголовное право, экологическое право, административное право, гражданское право, международное право, социология, экология и др.

Доминирующее влияние социологии на криминологию общеизвестно. Однако эта особенность характерна не только для криминологии, что объясняется ее генезисом. Все юридические науки в той или иной степени заимствуют инструментарий социологии. Как уже отмечалось, на формирование экологической криминологии большое влияние оказали англо-американские исследования, отличительная особенность которых состоит в использовании *количественных методов анализа*⁴⁵. В отечественных исследованиях, посвященных проблеме экологической преступности, как правило, используются такие специальные методы исследования, как опрос, контент-анализ документов, статистические и математические методы. Количественные методы исследования составляют методологическую основу экологической криминологии. Д. А. Дегтерев отмечает: «Количественные методы анализа окружающей действительности представляют собой альтернативу субъективным суждениям в правовых исследованиях. С другой стороны, именно формализация реальных процессов, стремление «загнать» их в логические рамки, является основной причиной неадекватности прогнозов, сделанных с помощью количественного метода при субъективном (а нередко — и волюнтаристском) характере поведения субъектов правоотношений»⁴⁶. Справедливость этого утверждения не вызывает сомнений. Исследования, реализуемые в рамках экологической криминологии, не должны осуществляться только с помощью количественных методов. Большое значение приобретают и качественные методы (неформализованный анализ документа, интервьюирование фокус-групп, наблюдение и др.).

Особенность методологии экологической криминологии проявляется и в том, что в ней используется инструментарий, характерный не только для криминологии и юридических наук, но и для естественно-научных дисциплин. Без первичных результатов исследований о воздействии на окружающую среду экологически значимого поведения человека невозможно проводить изучение социальных явлений, связанных с деструктивным воздействием общества на природу.

⁴⁴ Гернет М. Н. Общественные причины преступности // Гернет М. Н. Избранные произведения. С. 42.

⁴⁵ См. подробнее: Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. СПб., 2018. С. 26.

⁴⁶ Дегтерев Д. А. Применение математических методов в юридической методологии // Государство и право. 2014. № 8. С. 87.

4. Заключение

Криминология, как любая современная наука, находится в постоянном развитии. Многие исследования, актуальные в период ее зарождения, потеряли значимость в настоящее время. Наблюдается и обратный процесс. Можно констатировать, что в рамках как отечественной, так и зарубежной криминологии сформировалось самостоятельное направление, исследующее экологическую преступность и сопутствующие ей явления как отдельный феномен.

Необходимое условие эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере деструктивного воздействия общества на природу — теоретическая оценка соответствующих социальных явлений. Эту функцию должно выполнить такое направление криминологических исследований, как экологическая криминология. В современных условиях формируется круг проблем, требующих решения:

- выявление экологически значимого поведения, которое трансформируется в преступное или обладает потенциалом такой трансформации;
- определение эффективных форм воздействия на экологически значимое поведение в целях недопущения его перехода в преступное;
- оценка норм действующего уголовного законодательства на предмет обоснованности криминализации деяний, предусмотренных гл. 26 УК РФ «Экологические преступления»;
- оценка выявленных общественно опасных форм экологически значимого поведения на предмет их криминализации;
- определение феноменов и процессов, в том числе детерминационных, связанных с экологически значимым поведением, трансформировавшимся в преступное или обладающим потенциалом такой трансформации;
- рассмотрение социально-психологических свойств и качества лица, определяющих реальную и потенциальную трансформацию его экологически значимого поведения в преступное.

Таким образом, формируется новое самостоятельное направление криминологических исследований — экологическая криминология, которая наряду с традиционными задачами, рассматриваемыми в рамках криминологии, экологического права и других наук, решает качественно новые. В условиях ухудшающейся экологической обстановки, деградации экосистем, потери биоразнообразия формирование этого направления стало закономерным результатом процесса развития, и его значение для решения практических задач будет возрастать.

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2019 г.;
рекомендована в печать 16 сентября 2019 г.

Methodological aspects of ecological criminology

Yulia A. Sluchevskaya

For citation: Sluchevskaya, Yulia A. 2018. Methodological aspects of ecological criminology. *Pravovedenie* 62 (4): 735–750. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2018.409> (In Russian)

The article discusses the prerequisites for identifying an independent direction of criminological research — ecological criminology. The influence of the main philosophical doctrines on the formation of modern ecological legislation is studied. It is noted that the process of ecologization of the social sphere, which includes legal institutions, has touched upon criminological research, their appearance was the result of this process. Ecological criminology is directly

related to the general criminological theory and the result of its development. At the same time, it is methodologically closely connected with the science of environmental law. The article covers the discussion about the name of the direction of criminology. Linguistic difficulties associated with the foreign origin of certain terms are noted. For more than 25 years, the study of a complex of phenomena related to environmental crime in world criminology has been viewed as an independent direction of criminological research. At the same time, it is premature to say that this direction has been established. Questions of methodology remain unresolved: about the object, subject, method, and terminology. This article is devoted to the disclosure of these major problems. The article substantiates the use of the term “environmental criminology” in domestic science. On the basis of systematization of the main approaches to the definition of the concept of “crime,” formed within the framework of criminological research (legal, social and natural law), the author makes conclusions about the content of the subject and object of environmental criminology. The peculiarities of the construction of the criminal law norm and the concept of “public danger” are examined. The validity of the inclusion of environmental harm in the object and subject of research carried out in the framework of environmental criminology is substantiated. Analyzing the position of the social approach, the author justifies the need to include in the object and subject of environmental criminology problems associated with the actual or potential transformation of environmentally significant behavior into criminal. The features of the methodology of environmental criminology, which are manifested in the fact that it uses not only the methods typical for criminology and law, but also for natural sciences, are considered.

Keywords: ecological criminology, criminology, environmental law, crime, environmental.

References

- Brinchuk, Michael M. 1998. On the conceptual categories of environmental law. *Gosudarstvo i pravo* 9: 20–28. (In Russian)
- Brinchuk, Michael M. 2010. The Universe is a universal natural ecosystem: ecological-legal context. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Actual problems of state and law* 3: 72–100. (In Russian)
- Degterev, Denis A. 2014. The use of mathematical methods in law. *Gosudarstvo i pravo* 8: 82–87. (In Russian)
- Deryuga, Artyom N. 2011. Object and subject of administrative delictology. *Gosudarstvo i pravo* 1: 97–100. (In Russian)
- Dubovik, Olga L. 2007. Environmental Criminology: Development Trends, Methodology, New Directions (on the example of the study of illegal environmental trade). *Modern criminal law and criminology*. Ed. A. Zhalinskii. Moscow: 221–229. (In Russian)
- Frank N. K., Lynch M. J. 1992. *Corporate Crime, Corporate Violence*. Albany, Harrow and Heston.
- Gernet, Michael N. 1974. *Selected Works*. Moscow, Legal Literature Publ. (In Russian)
- Gibbs, Carole, Gore, Meredith, McGarrell, Edmund, Rivers Louie. 2010. Introducing conservation criminology: Towards interdisciplinary scholarship on environmental crimes and risks. *British Journal of Criminology* 50 (1): 124–144. <https://doi.org/10.1093/bjc/azp045>
- Gurinskaya, Anna L. 2018. *The Anglo-American Crime Prevention Model: A Critical Analysis*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ. (In Russian)
- Halsey, Mark. 2004. Against “green” criminology. *British Journal of Criminology* 44 (6): 833–853. <https://doi.org/10.1093/bjc/azh068>
- Herbig, F. J. W., Joubert S. J. 2006. Criminological Semantics: Conservation Criminology — Vision or Vagary? *Acta Criminologica* 19 (3): 88–103.
- Inshakov, Sergei M. 2012. *Crime research Problems of methodology and methodology*. Moscow. UNITY DANA Publ. (In Russian)
- Khilyuta, Vadim V. 2017. The Prospects of Development of Methodology of Criminal Law During the Postmodern Era. *Zhurnal rossiiskogo prava* 5 (245): 88–96. https://doi.org/10.12737/article_58f48b4949ed62.31233994. (In Russian)
- Kolbasov, Oleg S. 1999. Terminological walks in ecology. *Gosudarstvo i pravo* 10: 27–37. (In Russian)
- Kuznetsova, Ninel F. 2010. The significance of the social danger of acts for their criminalization and decriminalization. *Gosudarstvo i pravo* 6: 67–75. (In Russian)

- Kvashis, Vitaly E. 2015. *Selected Works on Criminal Law and Criminology (1967–2014)*. St. Petersburg, Law Center Publ. (In Russian)
- Lemieux, Andrew, Clarke, Ronald. 2009. The international ban on ivory sales and its effects on elephant poaching in Africa. *British Journal of Criminology* 49 (4): 451–471. <https://doi.org/10.1093/bjc/azp030>.
- Matskevich, Igor M. 2006. The theoretical concept of crime and the problem of its operationalization. *Lex Russica* 3 (65): 524–541. (In Russian)
- Nomokonov, Vitaly A., Sudakova, Tatyana M. 2018. Positive criminology — the criminology of the future? *Lex Russica* 9 (142): 29–37. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.029-038>. (In Russian)
- Quinney, Richard. 1977. *Class, State and Crime*. New York, David McKay.
- Rozin, Vadim M. 2016. *Philosophy of Law: The Genesis of Law. Features of legal thinking. The criminal identity*. Moscow, LENAND Publ. (In Russian)
- Schmidt, Holger. 2013. Ein grüner Zweig der Kriminologie? *Kriminologisches Journal* 4: 260–278.
- Shefel, Sergey V. 2017. Ecosophic conceptualization of the progress of formation of a personality as a subject of harmonization of legal relations in the ecosphere. *Lex Russica* 6 (127): 51–59. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.051-059>. (In Russian)
- Smykalin, Alexander S. 2017. Basic methodological concepts of the course “History of Russian State and Law”. *Gosudarstvo i pravo* 6: 99–108. (In Russian)
- South, Nigel. 1998. A green field for criminology? A proposal for a perspective. *Theoretical Criminology* 2 (2): 211–233. <https://doi.org/10.1177/1362480698002002004>.
- Spiridonov, Lev I. 1978. *Sociology of crime*. Moscow. (In Russian)
- Sychev, Andrew A. 2014. *Ethics of environmental responsibility*. Moscow, Alpha-M Publ. (In Russian)
- Tangiev, Bahaudin B. 2005. *Ecocriminology (oikoscrimenlogos). Paradigm and the theory. Methodology and practice of Actual Law*. St. Petersburg, Law Center Publ. (In Russian)
- Wellsmith, Melanie. 2010. The applicability of crime prevention to problems of environmental harm: A consideration of illicit trade in endangered species. *Global environmental harm: Criminological perspectives*. Ed. by R.White. London, Willan: 132–149. <https://doi.org/10.4324/9781843927983>.
- White, Rob. 2008. *Crimes against nature: Environmental criminology and ecological justice*. Cullompton, Willan.
- White, Rob. 2011. *Transnational environmental crime: Towards an eco-global criminology*. London, Routledge.
- Zahn, Margaret. 1999. Presidential address: Thoughts on the future of criminology. *Criminology* 37 (1): 1–16. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1999.tb00477.x>.
- Zhalinskii, Alfred E. 2012. Update Criminology. *Pravo i politika* 5: 828–835. (In Russian)
- Zhalinskii, Alfred E. 2014. Criminological characteristics of crime. Zhalinskii, Alfred E. *Selected works. Vol. 1. Criminology*. Moscow, Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Received: February 12, 2019
Accepted: September 16, 2019

Yulia A. Sluchevskaya — PhD, Assistant Professor, Kaliningrad Division of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 30, ul. Generala Galitskogo, Kaliningrad, 236006, Russian Federation; ula-sl@mail.ru